

ЭКСКУРСИЯ ПО НЕОБЪЯТНОЙ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА Анны Калинкиной

С чего начинается родина? С той самой березки в поле? С речки, в которой плескались с друзьями? С этих самых друзей из соседнего двора? Или с песен матери? Обычно задумываться над этим человек начинает особенно часто, когда находится по тем или иным причинам от родины вдали.

Вот жили себе относительно безмятежно два парня. И даже, может быть, скучали порой — хочется мир посмотреть, а как? И лишь когда ребят против воли вырвали из привычного окружения, желание увидеть другие места сбылось — но вовсе не так, как им бы хотелось. Одно дело — путешествовать по собственной инициативе, и совсем другое — когда везут куда-то, как скотину, предназначенную на убой. И, доставив к месту назначения, обращаются тоже как со скотиной — работа, скудная кормежка, за малейшую провинность — побои. А сдохнешь — не беда, пригонят следующих рабов.

Склониться ли под ударами судьбы — или все же сопротивляться? Использовать ли шанс бежать, рискуя жизнью, или упустить его — в надежде на милость тюремщиков? А если друг бежать не может, что делать? Остаться погибать вместе с ним или бросить его умирать в одиночку — и всю оставшуюся жизнь изводиться из-за этого? Казалось бы, какой смысл пропадать двоим — но отчего тогда на душе так невыносимо тяжело?

И когда наконец обрел свободу — пусть даже такой страшной ценой, — отчего бы не осесть, где придется? Почему тянет вдаль, за тысячи километров, туда, где петляет прозрачная речка, где мать до сих пор еще, наверное, с надеждой смотрит на дорогу? Зачем обрезать себя на новые мучения в попытках достичь невысказанно дале-

кой цели? Или все дело в том, что везде ты — как в гостях, и лишь люди, на глазах у которых ты вырос, всегда поймут тебя и простят? Или действительно — в той самой березке? Вот, например, известный поэт-эмигрант еще в молодости, еще до отъезда из страны знал, что умереть ему хочется именно в родном городе, на Васильевском острове — сколько бы островов он впоследствии ни посетил. А если копнуть еще глубже, можно вспомнить великого скитальца Одиссея, которому тоже не сиделось на острове с прекрасной волшебницей — все тянуло обратно, на милую Итаку.

Так что же значит для человека родина и какова цена свободы? Автор поднимает эти вопросы, заставляя нас задуматься, а уж ответить на них себе каждый должен самостоятельно.

Моей жене Ане посвящается

Пролог

К железнодорожной насыпи подкатили к полудню, когда солнце взобралось в зенит и начинало припекать по-настоящему, по-летнему. Уставшие лошади лениво похрапывали на обочине, пощипывая жиденькую травку. Мужчины неспешно сгружали с повозок тяжелые мешки, лились разговоры, звенел женский смех.

— Красотища-то какая! — потянулся Ромка, шумно вдыхая апрельский воздух. Михей повел головой — полуденная картина радовала глаз. На солнечном бочке гривы нежилась ящерка. Шмель-непоседа загудел над ухом и потянул на пригорок у оврага. На опушке под стройными березками белели первые подснежники. Здесь, на припеке, Михея разморило. Хотелось упасть на сухую траву, прикорнуть после полутора суток пути.

Позади — почти полсотни километров по лесным ухабам и весенней хляби. Но сейчас хотя бы дорога стала сносной. А вот раньше... Михей вспомнил, как еще пацаненком ездил с батей на торги. Лошади тянули телеги по разбитой колее, увязая в межсезонье в топкой жиже. Одна поездка выматывала их так, что потом кони пару дней отдыхали в стойлах. То и дело приходилось чистить путь от вальняка, выталкивать норовившие засесть в грязи повозки. А весной реки вспухали от талой воды и выходили из берегов, размывая грунтовку. Деревенские помучились несколько лет и не выдержали — собрались всем миром и дорогу подлатали. Навозили с грив у болот песка, нагребли вдоль железнодорожных путей щебня. О ямах и колдобинах больше и не вспоминали, через речки Черманчет и Пенчет протянулись бревенчатые мосты, а на перекате Поймы выросла новая дамба. И теперь деревенские регулярно — раз в месяц — катались к «железке» с товаром.

Все, что было до Светопреставления, Михей помнил плохо. Да, жили они когда-то в Тайшете, маленький Мишка ходил в детский сад и радовался беззаботной жизни. Чуть ли не каждые выходные он с родителями гонял к бабке, в Иванов мыс — отдохнуть от будничной суеты. Семье посчастливилось гостить в деревне и в тот жуткий день, когда «ахнуло» так, что дрогнула земля, и на западе вспух за лесом огромный гриб. Крестились старухи, невидящим взглядом смотрели на горизонт мужчины, плакали женщины и дети. Позже разузнали, что случилась Большая война, и многие крупные города сровняли с землей. В трехстах с лишним километрах на западе лежал Красноярск, и мужики после болтали, будто вмазали тогда по нему ядерными бомбами и выжгли все подчистую. По слухам, здорово досталось и Иркутску — одни трепались, что прорвало плотину и залило полгорода, другие твердили, будто отравили все «химией». Вспоминали и про Москву, но толком никто ничего не знал. Почти сразу же «умерла» сотовая связь, а в радиоэфире поселились вечные помехи.

— Что же со столицей-то стало? — гадали жители деревни, когда высохли слезы и страсти немного улеглись. — Выжил ли кто?

— И по Белокаменной, наверное, вдарили, — говорили мужики пошмысленее, не верившие в то, что в Третьей мировой Москва смогла устоять против ракет врагов. — По ней-то в первую очередь и лупили.

— Ну, по Москве-то уж точно приложились, даже спорить нечего, — убеждал мальчишек сосед дядя Митя. — Знатный городище, бывал я там в молодости. Дома — во какие, метро — глубоченное, и людей — тьма-тьмущая, не продохнуть. Вряд ли уцелели. То ли дело — мы. Кому на глухомань охота ракеты тратить — стариков, что ли, с волками губить? Свезло нам, ребята.

Тайшет опустел двадцать лет назад, когда случилось Светопреставление. Хотя его и не бомбили, но местные охотники, зашедшие в город спустя пару месяцев после войны, нашли там одни трупы. А потом и сами долго болели. Никто не знал — отчего, но отныне южнее Нижней Заимки начиналась «дурная земля». Рассказы ходоков обрастали сплетнями, многократно перевирались, и трудно было из потока болтовни выудить правду.

Михей в байки селян не верил. «Врут они все», — убеждал он себя, страстно мечтая когда-нибудь отправиться в дальнее путешествие и разузнать, как же там живет, на «большой земле». Прозвище

маленькому Мише приштопали товарищи, да так оно и прижилось. А потом не стало батьки, и Михею, которому стукнуло четырнадцать, пришлось брать хозяйство в свои руки. Поплакала мать и смирилась, углядев в сыне единственную надежду. И Мишка рос и мужал, хотя и прослыл на деревне отчаянным задирой и острословом, на чей неуемный характер жаловались многие. Но друзья-мальчишки его ценили, а с Ромычем Михей сдружился так, что водой не разлить.

На торги уезжали на трое суток. Апрель доживал последние деньки, и минувшая ночь выдалась теплой. Бабы смеялись, пекли картошку в золе, разворачивали кули с пирогами. Мужики доставали из-под тюков запрятанные глубоко бидоны с брагой, густо солили луковицы, ломали домашние лепешки. До полуночи лились разговоры, а потом люди засыпали под треск костра и уханье неясности на болоте. Фыркали кони, жадно глотая талую воду из канавы на обочине. Михей задремывал, глядя в бархатно-черное небо — на россыпь звезд и ломоть медной луны. Убаюканный тихой песней костра, он думал о прекрасном.

Где-то страшная война пожгла полмира, переломала судьбы, поела тысячи жизней в одночасье. А здесь, в лесах Иркутщины, в стороне от крупных городов будто и не слышали про конца света. Словно отгородился их крохотный уголок незримой стеной от остального мира и жил как раньше. «Дай-то бог», — бормотала бабка Михея у древней иконы и размашисто крестилась. И невидимый всевышний, которому молилась старуха, будто внимал ее мольбам. Жизнь в маленькой деревушке текла спокойно и размеренно, и люди не ведали бед.

Набежали тощие облачка, и по насыпи поползли рваные тени. Ветерок взъерошил Ромкины волосы, зашелестела прошлогодняя листва. Михей снял с телеги последний тюк и оперся на оглоблю. Дрезина задерживалась — такое часто случалось, и караванчики привыкли. Товарищ забрался на повозку и, подогнув ноги, принялся хлебать прохладную воду из старой армейской фляги.

— Тихо, мужики! — дядя Антон поднял кверху палец. — Слышите?

Странный звук долетел из-за рощи, будто оттуда ехало нечто огромное. Что-то грузное двигалось по путям со стороны Кедрового.

— Похоже, состав идет, — сказал дядя Никита, почесывая бороду.

— Глупостей не говори, — отозвалась тетя Римма. — Какой еще состав? Откуда ему тут взяться?

— Да знать бы, — покачал головой Николай, крепко сбитый мужик, глядя туда, где железнодорожное полотно исчезало за поворотом.

— А ведь и правда на поезд похоже, — согласился кто-то. Повисло безмолвие — все стояли, глядя на пути, и чего-то ждали.

Невидимый состав приближался. Наконец из-за деревьев выползла туша локомотива, выдохнув темные клубы дыма. С макушки маневрового на оторопевших караванщиков глядел ствол пулемета. За «головой» состава угадывалась длинная вереница вагонов.

— Это еще что такое? — пробасил дядя Коля, осторожно потянул из-за спины ружье. Только сейчас Михей разглядел за орудием широкоплечего пулеметчика, огороженного стальными листами. Верзила зашевелился, и состав принялся сбавлять ход, тормозить.

Михей заворуженно смотрел, как орудие поворачивается в их сторону. Дядя Коля перехватил поудобнее двустволку, но стрелок опередил. В воздухе хрястнуло, и Михей увидел, как пулеметная очередь состригла сухой чернобыльник на пригорке. Медленно, словно в страшном сне, дядя Коля выронил ружье и повалился на землю. Трава под упавшим телом обагрилась.

— Да что же это делается! — жалобно заголосила тетя Римма. Пулеметный ствол повернулся, глянул на оцепеневшую толпу черным зрачком дула. А потом из нутра одного из вагонов рявкнули командным голосом, и на пути сыпанули люди в «зеленке» с автоматами.

— Ружья на землю! — зычно грянуло над насыпью. Солдаты действовали невероятно быстро. Михей видел, как незнакомцы с оружием хватали кричащих баб за волосы и роняли на землю. Мужики испуганно и послушно становились на колени, но тех тоже били ногами и валили лицом вниз. Где-то стонала женщина, хрипел у самых путей дядя Никита.

— Неарон, загоняй стадо в вагон. Работяги нам пригодятся, — услышал парень властный голос. В нем звенела сталь, ему хотелось по-виноваться. Но, несмотря на страх, Михей почувствовал, как в груди колыхнулась ярость.

— Твари! — оскалился он и повернул голову, желая взглянуть в глаза командиру нелюдей. Но тотчас к нему подлетели двое солдатиков с автоматами наперевес. Короткое выверенное движение — и Мишка повалился на землю, а под ребрами вспыхнула боль. Следующий удар пришелся в затылок и оказался куда сильнее предыдущего.

А потом наступило забвение.

ЧАСТЬ I
НА КРАЮ ЗЕМЛИ

ГЛАВА 1

ТЮРЬМА НА КОЛЕСАХ

Душная темнота и вонь грязных тел, сбившихся в кучу в тесном закутке вагона. Монотонное и унылое «ту-тук, ту-тук» — словно пульс огромного сердца. Колеса ритмично считают стыки рельсов, и с каждым ударом поезд уносится все дальше от дома. Знать бы только — куда? В щель между старыми досками обшивки полуденное солнце вонзило лучик света. Если прильнуть к «бойнице», то можно увидеть клочок вольного мира. Рваной полосой тянется за стенкой лес, да иногда опрометью проносятся безымянные полустанки. Упрямо тащит локомотив вереницу вагонов — вперед, в неизвестность.

Половина теплушки отгорожена стеной, наспех сбитой из неструганных досок. Там, за перегородкой — вооруженная до зубов охрана. А здесь, с этой стороны — людское месиво. Ворочается в душной тьме и смраде, шевелится, точно скопище червей в навозной куче. Лиц не видно — темнота прячет затравленные взгляды, всклокоченные волосы, перемазанные грязью тела, скрывает боль и отчаянье узников.

Когда Михей пришел в себя, он не сразу вспомнил, куда занесла их нелегкая. Вокруг тяжело дышали и возились люди. Парень втянул ноздрями воздух, и в нос шибанул запах нечистот. Мишка поморщился, но поборол отвращение. Порылся в воспоминаниях, выудил из памяти последние события. Перед глазами поплыли картины: громадный пулеметчик на крыше локомотива, дядя Коля, истекающий